

ПОЛИКАУЗАЛЬНОСТЬ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: историческая грамматика латинского языка, языковое изменение.

Многие изменения в истории языка объясняются лучше, если учитывать возможность одновременного действия нескольких факторов — главного и вспомогательного. В статье рассматривается возможность одновременного действия фонетического фактора (синкопы) и грамматической аналогии (ослабление связи между *nom. sg.* слов типа *puer* и *dominus*, с одной стороны, и сближение типа *puer* с типом *pater, mater, soror*, с другой) в процессе утраты конечного *-e* в словах *puer, vir*, связь различной скорости монофтонгизации дифтонга *-ei* в надписи IVNONE SEISPITEI MATRI не только с частотностью употребления слов, но и со стилистическим выбором писца, а также невозможность совместить некоторые из факторов, например, появление *-u-* в *mortuus* под влиянием антонима *vivus* или в результате контаминации суффиксов *t* и *v*.

E. G. FILIMONOV

St. Petersburg State University

EXPLAINING THE HISTORY OF SOME FORMS OF LATIN BY MULTICAUSALITY

Keywords: Historical grammar of Latin, language change.

Some changes in the course of the language history are better explained as caused by more than one factor, usually by one driving force and one (or more) catalyst. It is proposed that some combinations of factors (vowel deletion in *puere* > *puer* and the analogical influence of the type *pater, mater, soror*) are likely to occur simultaneously whereas others (the suffix *-u-* in *mortuus* explained due to the analogy with its antonymous adjective *vivus* or due to the contamination of two different suffixes *t* and *v*) are logically non compatible with each other. In some cases it is hard to decide which force

was leading (e.g. the difference in the forms of Dat. Sg. IVNONE SEISPITEI MATRI can be accounted both — for the different frequency of those nouns and for a personal stylistic choice by the writer deciding between different coexisting reflexes).

1. Обычно ученые выдвигают несколько рабочих гипотез, которые рассматривают, а затем ранжируют их по степени логической убедительности. В результате только одно из объяснений принимается как наиболее вероятное. Однако в языке, как и в жизни, изменения, как правило, являются результатом сочетания целого ряда факторов.

Дж. Эчисон пишет: «Частью проблемы является то, что действуют сразу несколько причин, не только в языке в целом, но и в любом конкретном изменении. Подобно дорожному происшествию, языковое изменение может иметь много причин. Автомобильная авария редко бывает вызвана одним главным фактором, таким как внезапный отказ работы руля или сон водителя за рулем. Гораздо чаще это комбинация факторов, каждый из которых вносит свою лепту в общее дело» [Aitchison, 2001, p. 134].

По моему мнению, поликаузальность как принцип описания языковых фактов не отменяет логический анализ, она просто усложняет картину описания, вводя в причинно-следственные отношения момент множественности причинных факторов. На место единственной причины приходит комплекс причинных факторов, в котором не всегда легко выделить главный и вспомогательные факторы. Было бы интересно построить типологию языковых изменений, на основе анализа многих случаев помогающую решить, где главная причина, а где вспомогательный фактор, выполняющий роль катализатора, и ранжировать различные факторы по степени их значимости.

2. Начнем с простого случая. Едва ли кто-нибудь возразит, что переход *-u-* > *-i-* у существительных IV склонения (*cornubus* > *cornibus*) вызван главным образом фонетическими причинами (ср. чисто фонетический характер изменения *u* > *i* в gen. sg. *capitis* < **caputes*), однако аналогическое влияние многочисленных слов III склонения, куда помимо собственно существительных относятся также прилагательные и причастия, могло значительно ускорить данный процесс. Возьмем теперь более сложный случай, связан-

ный с языковыми контактами. Например, когда в канадском французском стало исчезать противопоставление по роду во множественном числе у прилагательных, некоторые лингвисты увидели в этом влияние английского языка. Однако А. Мартине высказал мнение, что утрата родовых противопоставлений во множественном числе — настолько часто встречающаяся универсалия, что английское влияние следует рассматривать лишь как катализатор внутренних тенденций французского языка¹. Во многих случаях в языке сосуществуют и действуют разнонаправленные тенденции, и путь развития, выбранный языком в том или ином случае, вызывается случайными, нередко экстралингвистическими факторами. Например, в языках есть тенденция маркировать именительный падеж специальным показателем. В результате этой тенденции в латинском языке основа именительного падежа иногда стала сильно отличаться от основы других падежей. Тогда стала действовать другая тенденция — тенденция к унификации основы, что привело к выравниванию формы номинатива по образцу косвенных падежей (им. п. м.-ж. р. *altios* > *altior* под влиянием основы косвенных падежей *altior*-).

3. Менее очевиден характер соотношения главного и вспомогательного фактора в случае апокопы *-e* в формах зв. п. ед. ч. существительных II скл. с основой, содержащей *-r* (слова типа *vir*, *puer*, *magister*). Нидерман, хотя и пишет, что «...определить условия, в которых наступало это явление, затруднительно» [Нидерман, 1949, с. 50], тем не менее склонен считать, что это был чисто фонетический процесс: «...тот факт, что *-ĕ* отсутствует именно у звательного падежа слов, которые, как *vir* и *puer*, потеряли в результате синкопы краткий гласный в конечном слоге именительного падежа (*vir*, *puer* из **vir(ĕ)s*, *puer(ĕ)s*), сохраняясь в то же время у слов, не подвергшихся синкопе в именительном падеже (например, *dominĕ*, зват. п., наряду с *dominŭs*, им. п.) указывает, по-видимому, на то, что зват. п. *vir* и *puer* действительно являются дериватами от *virĕ* и *puerĕ*» [Нидерман, 1949, с. 52–53]. Однако существует также точка зрения, что в данном случае имела

¹ Т. Б. Путилова обратила мое внимание на то, что подобным же образом обстоит дело и в русском языке.

место грамматическая аналогия. Так, авторы учебника латинского языка В. В. Файер и Е. С. Наумова пишут: «Еще один пример грамматической аналогии мы встречаем во II склонении латинских существительных. К основному типу этого склонения принадлежат существительные с номинативом на *-us* (древнее **-os*). В отличие от всех остальных словоизменительных классов латинского языка эти слова образуют вокатив, не похожий на номинатив (ном. *animus* / voc. *anime*). Однако существительные, которые в древности оканчивались на **-ros*, подверглись фонетическим изменениям <...>, потеряв в номинативе сходство со словами типа *animus*. В результате у этой группы существительных, как и у большинства имен латинского языка, звательный падеж стал идентичен именительному (вместо соотношения ном. *pueros* / voc. *puere* возникло соотношение ном. *puer* / voc. *puer*)» [Файер, Наумова, 2007, с. 40]. Несмотря на оригинальность и даже некоторую элегантность данного объяснения, принять чисто морфологический характер изменения *puere* > *puer* трудно. Следует признать, что здесь, как в им. п. ед. ч., так и в зв. п. ед. ч., имел место процесс утраты краткого гласного последнего слога, прежде всего в силу фонетических причин. В противном случае придется привлекать грамматическую аналогию также для объяснения апокопы в таких словах, как *post* (< *poste*), *dein* (< *deinde*), *vīn* (< *vīsne*), *hic* (< *hice*), *dīc* (< *dīce*), где для аналогии нет оснований. Тем не менее, аналогическое влияние, описанное В. В. Файером и Е. С. Наумовой, могло играть роль катализатора чисто фонетического изменения, а именно: новая форма им. п. ед. ч. на *-er* (а не на *-us*), с одной стороны, ослабила связь слов типа *vir* и *puer* со словами типа *dominus*, а с другой стороны, могла способствовать их морфологическому сближению со словами типа *pater*, *mater*, *soror*, что ускорило процесс закрепления в языке новой (апокопированной) формы зв. п. ед. ч.

Ф. Бальди, также основываясь на действии морфологической аналогии, пишет об изменении *puere* > *puer* следующее: «Зв. п. ед. ч. муж. р. показывает *e*-степень аблаута с нулевым окончанием (*serve* ‘о слуга’). Скорее всего, конечное *-e* таких форм на *-er* и *-ir* (*puer* ‘о мальчик’, *vir* ‘о муж’ etc.) исчезло в ранний период, хотя *puere* зафиксировано у Плавта (тем не менее, это могла быть аналогии-

ческая инновация)» [Baldi, 2002, p. 313]. Таким образом, Ф. Бальди допускает возможность аналогического восстановления *-e* в *puere* и *vire* под влиянием форм типа *amice*, в то время как В. В. Файер и Е. С. Наумова полагают, что причиной исчезновения *-e* в *puere vire* было аналогическое влияние других (не 2-го склонения на *-us*) типов склонения, где особой формы вокатива, противопоставленной номинативу, не было. Из этого видно, сколь субъективен может быть выбор аналогической пропорции.

4. К сожалению, до сих пор никому не удалось четко сформулировать законы того, когда и как действует аналогия. Так, Л. Кемпбелл пишет: «Несмотря на всю важность аналогии, учебники по лингвистике испытывают, по-видимому, непреодолимое затруднение, когда дело доходит до того, чтобы дать определение аналогии» [Campbell, 2006, p. 103]. Рассматривая различные определения аналогии, он приходит к выводу, что «существенным элементом во всех определениях, как бы неудовлетворительно это ни звучало, является то, что аналогическое изменение подразумевает отношение сходства». Р. Анттила приводит следующее определение: «Грамматика, главным образом, — это система отношений, а аналогия — это отношение сходства» [Anttila, 1989, p. 88]. Поскольку понятие сходства несет в себе большую долю субъективности и разными людьми может определяться по-разному,истики языка нередко предлагают для одного и того же факта прямо противоположные объяснения, базирующиеся на аналогии. Действие аналогии определяется сложными ассоциативными процессами, лежащими в основе человеческого мышления, поэтому точная формулировка законов аналогии станет возможной лишь после полного понимания того, как функционирует человеческий мозг, то есть, по-видимому, никогда. В этом отношении сущность звуковых изменений проще для объяснения, поскольку понять устройство и работу артикуляторного аппарата человека легче, чем понять устройство и работу человеческого сознания.

5. Примером, где два возможных фактора логически не исключают друг друга, но, более того, влияют друг на друга, может служить интерпретация текста латинской архаической надписи: IVNONE SEISPITEI MATRI (1². 1430) [Тронский, 2001, с. 169], в которой засвидетельствованы три различных этапа эволюции

дифтонга *ei* ($ei > \bar{e} > \bar{i}$)². Распределение его рефлексов Ю. В. Откупщиков в своих лекциях связывал с частотностью употребления всех трех слов. Он полагал, что различие между тремя формами объясняется тем, что слова разной частотности проходят этапы фонетического изменения с разной скоростью. Наиболее частотное слово *mater* уже завершило процесс монофтонгизации, менее частотное *Iuno* отражает промежуточный этап изменения, а религиозный термин, употребление которого ограничено рамками специального ритуального обряда, совсем не подвергся процессу монофтонгизации. Таким образом, данная надпись хорошо интерпретируется с точки зрения теории лексической диффузии. Впрочем, вероятно и иное объяснение. Вполне возможно, что во всех трех словах изменение $ei > \bar{i}$ к моменту написания надписи уже произошло, но автор надписи в целях архаизации использовал древний вид слова *Seispitei* для религиозного термина, форму, отражающую промежуточный этап монофтонгизации *Iunone*, поскольку, будучи словом средней частотности, оно могло дольше употребляться в более старом и более новом вариантах, и употребить новую форму *matri*, поскольку в этом, наиболее частотном, слове новая форма быстрее вытеснила в живой речи более древний вариант. Таким образом, могло быть сложное взаимодействие различных факторов: реальное существование в речи, окружающей писца, старых и новых форм, сосуществование в памяти писца различных вариантов одного слова, и, как следствие, возможность стилистически обусловленного выбора между более древней и новой формой. Вполне возможно, что речевой узус, в котором более частотное слово (*mater*) уже встречалось только в новой форме, а менее частотные слова (*Seispes* и особенно *Iuno*) могли сосуществовать одновременно и в более новом, и в более старом вариантах, наряду с жанрово-стилистическими соображениями, мог повлиять на выбор писцом разных фонетических форм для трех разных слов. Если, как показало исследование Лабова, «ньюйоркцы использовали в разные дни различные формы

² К сожалению, автор надписи не поставил наиболее архаичную форму второго слова на первое место, так бы порядок слов отражал направление фонетической эволюции форм во флексии дат. п. ед. ч. существительных 3-го склонения.

одного и того же слова, и неоднократно различные формы одного и того же слова в одном предложении» [Aitchison, 2001, p. 85], то почему автор латинской надписи не мог использовать различные формы разных слов в рамках одной надписи? Он мог и слышать, и сам употреблять параллельно разные формы, а также руководствоваться при их выборе для надписи стилистическими соображениями.

6. Поликаузальность языковых явлений можно наблюдать и в семантических изменениях³. Даже в тех случаях, когда производящее для этимологизируемого слова не вызывает никаких сомнений, конкретная семантическая модель, легшая в основу нового слова, не всегда очевидна. Например, неясно, какая семантическая модель была использована при возникновении слова *окно* (< *око*). Возможно, *окно* понималось как своего рода «глаз дома», при том что все здание уподоблялось телу человека. Однако возможна и другая интерпретация: *окно* этимологически могло означать ‘отверстие для ока в стене дома’, то есть то место в доме, откуда можно выглянуть наружу. Не исключено, что в момент создания слова для разных носителей языка могли быть актуальны различные объяснения, при этом они едва ли противопоставлялись, а скорее, дополняли одна другую. В ряде случаев множественность этимологизации допустима и для новых слов. Сравнительно недавнего происхождения слово *мыльница* как обозначение недорогого и легкого в использовании фотоаппарата обычно этимологизируется как метафорический перенос на основе сходства внешней формы собственно мыльницы и фотоаппарата данного типа. Однако не исключено, что в данной этимологии не меньшую роль сыграло также корневое значение самого слова *мыло*, ассоциирующегося с легкостью и быстротой, что хорошо увязывается с главными достоинствами такого фотоаппарата (ср. его немецкое название *Idiotenkamera*). Быстрота и легкость корневого значения слова *мыло* видны также и в выражении *отправить по мылу* (то есть по электронной почте), где очень важно, конечно, и сходство в звучании между словами *e-mail* и *мыло*.

³ Например, В. Н. Топоров высказывал мысль о множественной этимологии [Топоров, 2005, с. 42–43].

7. От случаев, где различные факторы носят дополнительный характер, важно отличать такие, в которых факторы исключают друг друга. Так, распространено объяснение, согласно которому суффиксальное *-v-* в лат. *mortuus* и др.-рус. *мъртвъ* появилось под влиянием соответствующих антонимов лат. *vivus* и др.-рус. *живъ* [Эрну, 1950, с. 265]. Ю. В. Откупщиков подверг критике [Откупщиков, 2000, с. 107–112] эту точку зрения и привел примеры типа венет. *murtuwoi* (Dat. Sing.), лит. *martuvė* и *martvė* ‘мор’, лит. прил. *martvinis*, где форма суффикса *-tv-* (или *-tuv-*⁴) не является изолированным примером, ограниченным рамками только одного слова. Например, мы имеем др.-инд. *ámartaḥ* ‘бессмертный’, с суффиксальным *-y-* *ámartyaḥ* ‘бессмертный’, а с суффиксом *-tv-* *dur-mar-a-tv-a* ‘тяжелая смерть’; др.-рус. *(оу)мъртвиѣ* с суффиксом *t*, а *мъртвъ* с суффиксом *-tv-*. Кроме того, с суффиксальным *-tv-* образуются *participia necessitatis*, у которых этот суффикс произносится как *-tuv-*. Таким образом, Ю. В. Откупщиков показывает, что суффиксальное *-tv-* (вероятно, первоначально комбинация двух суффиксов *t* и *v*) встречается в производных индоевропейского корня **mer-/mor-/mṛ-* не только в латинском, но также и в венетском, балтийском, славянском и в древнеиндийском языках. Разумеется, чисто теоретически существует вероятность того, что суффиксальное *-v-* проникло в основу **mṛt-* из производных антонимичного корня **g^wei-w-*, содержащих суффиксальное *-v-*, и что контаминация суффиксов *-t-* и *-v-* в виде *-tuv-* может быть возведена к индоевропейской эпохе. Однако наличие такой комбинации *-tuv-* во многих других словах (лит. *lātvis* и *lietūvis*, *senātvė* и *senātūvė*, рус. *живой* — *житво* ‘жизнь’, *дева* — *дему* — *детвора*, др.-инд. *gataḥ* ‘ушедший’ и *gatvā* ‘уйдя’, др.-инд. *andatā* ‘слепота’ — др.-инд. *andatva* ‘слепота’ др.⁵) ставит исследователя перед необходимостью рассматривать два объяснения: 1) распространенное объяснение появления *-v-* в лат. *mortuus* и др.-рус. *мъртвъ* в результате аналогического влияния антонима и 2) объяснение *-v-* как второго элемента широко распространенной в индоевропейских языках ком-

⁴ Ю. В. Откупщиков дальше отмечает, что та же вариативность наблюдается в литовских гидронимах с исходом на *-tuva-* и их русских передачах. Например, лит. *Latuva* > *Лотъва* и *Лотва*.

⁵ См. другие примеры в [Откупщиков, 2000, с. 107–112].

бинации *-tuv-* в результате контаминации суффиксов *t* и *v* — как взаимоисключающие.

8. В. Дресслер пишет следующее: «...лингвисты выдвигают осмысленные толкования намного реже, чем просто постулируют объяснимость какого-либо явления; ряд объяснений вообще носит частный характер (то есть *explanans* касается лишь некоторых аспектов *explanandum*)... В тех случаях, когда база данных представлена фактами человеческой деятельности [а именно так и обстоит дело с владением языком (*performance*)], мы сталкиваемся скорее с множественностью причин, чем с монокаузальностью. Поскольку мы не можем быть уверены, что выявили все релевантные факторы некоторого явления, наши прогнозы должны носить скорее вероятностный, чем детерминистский характер» [Дресслер, 1986, с. 33].

Таким образом, за внешне непротиворечивыми и безупречно логичными построениями может стоять идущая из эпохи Декарта мало обоснованная уверенность, что точность и сила мысли способны найти конечную истину. Более адекватным подходом было бы придерживаться того взгляда, что процессы, протекающие в языке, как и все, связанное с деятельностью человека, носят сложный и многоуровневый характер, и что нам зачастую остается лишь скользнуть по поверхности фактов, не надеясь до конца понять истинные причины, лежащие в основе языковых изменений.

Я мог бы подписаться под следующими словами Шмолстига: «Наверняка возразят, что мои выводы ведут к анархии в лингвистике, что я думаю, будто все возможно. Я действительно так думаю. У нас нет контракта с Богом о том, чтобы история языка протекала так, чтобы нам было легко понять ее»⁶.

⁶ «It will surely be objected that my conclusions lead to linguistic anarchy, that I believe that anything is possible. This is in fact my belief. We have no contract with God that the history of language has taken place in a manner such that it is easy for us to understand it» [Schmalstieg, 1980, p. 4]. В письме к автору Шмолстиг также пишет: «I am in favor of an 'agnostic humility' or 'humble agnosticism' when it comes to all human knowledge».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дресслер В. Об объяснительной силе естественной морфологии // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 33–46.
2. Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1949. 188 с.
3. Откупщиков Ю. В. Лат. *mortuus*, др.-рус. *мъртвъ* // *Colloquia classica et indoeuropeica II*. СПб., 2000.
4. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2005. 816 с.
5. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). 2-е изд., доп. М.: Индрик, 2001. 591 с.
6. Файер В. В., Наумова Е. С. Латинский язык М.: Академия, 2007. 384 с.
7. Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. 319 с.
8. Aitchison J. *Language Change. Progress or Decay?* 3rd ed. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. XI, 312 p.
9. Baldi P. *The Foundations of Latin*. Berlin; New York: M. de Gruyter, 2002. XXVII, 534 p.
10. Campbell L. *Historical Linguistics: An Introduction*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2006. 448 p.
11. Anttila R. *An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989. XV, 462 p.
12. Schmalstieg W. R. *Indo-European Linguistics: A New Synthesis*. University Park and London: The Pennsylvania State University Press, 1980. 211 p.

REFERENCES

1. Dressler V. Ob ob"iasnitel'noi sile estestvennoi morfologii [On explanatory potential of natural morphology. *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of Linguistics]. 1986. № 5. S. 33–46.
2. Niderman M. *Istoricheskaia fonetika latinskogo iazyka* [Historical Phonetics of Latin]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoii literatury, 1949. 188 s.
3. Otkupshchikov Iu. V. *Lat. mortuus, dr.-rus. мъртвъ* [Lat. mortuus, Old Rus. мъртвъ]. *Colloquia classica et indoeuropeica II*. Saint Petersburg, 2000.
4. Toporov V.N. *Issledovaniia po etimologii i semantike* [Studies in Etymology and Semantics]. Т. 1. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 816 s.

5. Tronskii I.M. *Istoricheskaia grammatika latinskogo iazyka. Obshche-indoevropskoe iazykovoe sostoianie (voprosy rekonstruktsii)* [Historical Grammar of Latin. Proto-Indo-European Language Situation: Issues of Reconstruction]. 2-e izd., dop. [2nd revised ed.]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 591 s.
6. Faier V.V., Naumova E.S. *Latinskii iazyk* [Latin]. Moscow, Academia, 2007. 384 s.
7. Ernu A. *Istoricheskaia morfologiia latinskogo iazyka* [Historical Morphology of Latin]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1950. 319 s.
8. Aitchison J. *Language Change. Progress or Decay?* 3rd ed. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2001. XI, 312 p.
9. Baldi P. *The Foundations of Latin*. Berlin; New York, M. de Gruyter, 2002. XXVII, 534 p.
10. Campbell L. *Historical Linguistics. An Introduction*. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 2006. 448 p.
11. Anttila R. *An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1989. XV, 462 p.
12. Schmalstieg W.R. *Indo-European Linguistics: A New Synthesis*. University Park and London, The Pennsylvania State University Press, 1980. 211 p.

Филимонов Евгений Геннадьевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Evgeny Filimonov

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: evfilimonov@yandex.ru